

*Не радуйся, нашедший,
не плачь, потерявший.*

Святые отцы

В океане опустился однажды на палубу научника «Академик» паутинный коврик-самолет. Выпростал человек «пилота» — серенького мизгирька — из паутины и увидел на брюшке у него «елочку». И точно хвоей пахнуло, землей...

Когда поруха в стране прокатилась, «Академик», как и весь научный флот, списали на гвозди. И поселился он в заимке, срубленной еще дедом в таежном урочище. С Тигровой сопки в распадок бежал ручей. Со временем он собрал в горловине камни и валуны, обкатал их и дальше бурил речкой. Человек спускался к перекату и в прудке перед ним из темных подбережных нор вытаскивал налимов, пудовых усатых сомов. Древностью своей рыбины напоминали стародавние дедовы времена, всю заповедность этих родных мест...

Норовиста речка Окатовая. Дождавшись тайфуна, в бражном бешенстве выбрасывалась на берега, сметая все на своем пути. Рассекая зеленое руно тайги, неслась туда, где таращился огненный зрак дракона, погружающегося в океан. И от тайфуна, посланного драконом, дыбилась она рыжей амбой. А после, охолонув от буйства, стрелой летела на стремнинах, силясь подняться в небо.

Как-то на коряге настырной посреди стремнины застрял белогрудый медведь. Голова у него кругом пошла, и он, в панике раскинув лапы, потешно плюхнулся брюхом в летучие струи. Река мягко вынесла косолапого на белопесчаный плес, где усердно рыла ямку для гнезда кожистая черепаха и где белел череп выдры.

Очистившись от бражной мути, река, точно в блесках рыбьей чешуи, напористо бежала по долине, жизнь которой во многом зависела от нее. И вплетались в ее клетот рабочий пчелиный гуд цветущих лип, свист, вопли птиц, старающихся перекричать друг дружку в речном шуме. И пресный воздух реки медово густел и горчил от хвойного настоя елей, кедров и пихт.

Набитые звериные тропы вели к реке. Но человеку непросто было подступиться к ней. Древесные корчи, спугавшиеся чащобы дремуче, непроходимо вставали перед ним. Лианы актинидий и лимонника оплетали вознесенные к небесам кедры и замшелые выворотни и валежины. Если и продрался человек сквозь густые заросли таволги и рябинолистника, протиснулся сквозь частокол лещины, его истерзает и оставит в отрепьях колючий барбарис. В глухих уремах дерева — точно

бродяги: свисают с них лохмы лишайника и мхов. На пригретых солнцем скалах свиваются в бурый клубок щитомордники. По усохшему ильму лениво скользит полусонный полоз...

И все же в конце концов настырный человек добрался-таки до реки. Разбросал по галечным косам и песчаным берегам охотничьи лубяные балаганы и бревенчатые зимовья. И плыли вечерами над рекой жирные запахи вареного изюбриного мяса, жареной медвежатины, талы́ из тайменя. И тигры, облизываясь, завидуя обильной людской трапезе, поворовывали у охотников собак. Не только от гнуса стали хорониться изюбри и лоси в зарослях кустарниковой березы на моховых маревых болотах...

Нежная сирень с прохладным ароматом оказалась строптивицей — долго не давалась она человеку. В костре, точно живая, трещала и швырялась головешками. Но кто-то догадался мастерить из нее весла: прочные, легкие...

Реке в ту пору, когда еще чешуйчатый чистюля крохаль не подался в верховья, было видение. В ней, в студеной реке, среди зубастых тайменей, вечно озабоченных ленков, суетливых хариусов, в великой нерыбьей скорби застыл костлявый губарь. В неизъяснимом взгляде его черных плоских глаз — щемящая тоска. Он смотрит в ту сторону, где в тени страусиных опахал папоротника, положив лобастую голову на могучие лапы, дремлет царица амба. На звериной тропе в тучах гнуса и слепней появляется человек, с ног до головы черный от налипшего мокреца.

Тигриный рык сотрясает долину... И продолжается, тянется ревом сотен машин, угорело несущихся по чадному шоссе...

За казармами первопроходцев времен Дерсу и Арсеньева, драгунского полка, где в 1908 году служил будущий маршал Буденный, — автобазы, стройтресты. Сюда на работу через перекат из деревни Окатовки добираются сельчане. Не раз, нерадивые, перекидывали шаткий мостик — смычку города и деревни. Сносило тайфунными потоками. Махнули рукой окатовцы на бесполезное плотничество и с опаской перебираются по скользким окатышам переката в город. Благодаря их нерадивости и сохранила Окатовая падь свою заповедность. И хранитель заповедности этой ходил раз в месяц в деревню за пенсией, прикупить в магазинчике соли, крупы, масла. Во спасение нерадивых воткнул по обоим берегам переката шесты, чтобы опирались на них при переправе. Погнушался один смельчак «костылями» — и соскользнул не в стремнину, а в омутной прудок. Два дня искали. И только старожил этих мест нашарил утопленника в омутной яме. Ногу его уже заглотнул было чудовищный сомище.

Вечерний мглистый туман лег на старую ильмовую рощу. В белесый сумрак ее, путаясь с темным пересохшим ручьем, образуя «восьмерку», вела жилистая, перевитая узловатыми корнями, не отсыревшая, крепко набитая тропа.

Повсюду серебрились гамачки пауков-тенетников. В низинке на волгллом лопушнике раскинулся целый паутинный ковер. Из-за мшистого камушка выскочил серый паук и побежал на ходулистых лохматых ногах по кривым ежиным следам. Человек нечаянно наступил на свежую кротовину — пышную кучку суглинка обочь тропы. К теплу возится работяга крот. Из-за сочно-зеленых блинов копытня, попискивая, шмыгнула через тропинку темно-бурая землеройка, прострочив на ней мокрыми лапками тонкую стежку следов. К теплу. Но, взглянув вверх, человек знобко поежился: сбившись в стайку, прижавшись друг к другу, на усыхающем дряхлом ильме сторожко нахохлились кочевницы свиристели.

На лужайке, в подкове тальниковых зарослей, он увидел страшную картину. Возле взгроможденных друг на друга велосипедов состоялся смертельный пикник. Бутылки водки, коньяка, пакет томатного сока, пластиковые стаканчики. Два

труп — женщины и мужчины. Вывернутая наизнанку инкассаторская сумка. Куча пяти тысячных бумажек. Деньги не говорят, да много творят.

— Будешь богат — пустишь душу в ад! — проговорил человек и тяжело вздохнул: — Чревато, чревато...

Мальчонкой он подобрал яблоко под яблоней, свесившейся на улицу через соседский забор.

— Это не наше, сынок! — поострожил отец. — Лежит — не твое. Не бери!

Страхнув прилипшую к подошве башмака купюру, человек спустился к перекаату. С шестом дойдя до середины его, увидел за излучиной речки еще один труп мужчины. Тот застрял во вспененной, в бурунах, стремнине. На белой рубахе его алело кровавое пятно. Отполированные добела корни выворотня, похожие на изюбриные рога, пронзили несчастного. Когда-то на этом гиблом месте едва не погиб медведь-белогрудка... Что произошло?.. Из-за малых денег беды великие случаются, а из-за больших — преступления, войны. Хотя деньги не виноваты. Алчность! Волчье слово.

Человек перешел на другой берег речки и поспешил в деревню — сообщить о трагедии у переката.

С самого утра Криш — тянитолкай. Идти — не идти на день рождения Стаса?.. Откуда этот головомный раздрай? Подобной мутоты прежде в Крише не водилось. Легкий на подъем, он живо откликался на всякие вечеринки и междусобойчики, а зачастую и сам был застрельщиком. В студенческую пору, когда вожатствовал в детском лагере, составлял график дней рождения. По паспортам они случались редко, зато, по Горепанову, на каждого вожатого за смену приходилось по два-три дня рождения. Лагерный распорядок, отменная кормежка, лес, море, вожатские костры. Сила, молодость, красота! И любовь!.. Э-эх, где те незабвенные девятнадцать лет?!..

Вековая казарма из клейменого красного кирпича, которую занимало предприятие по установке вентиляционных систем, находилась в райском местечке. В затишке, на склоне сопки, куда не добрались еще коробки людских голубятен и загоны исчадно-угарных автостоянок. Как во времена Дерсу, хозяйничают здесь золотые фазаны. Чертят в пыли перед казармой шильями хвостов свои птичьи вензеля и кукарекают, как осипшие петухи, самовлюбленно хлопая своему пению пестро-золотистыми крыльями. Криш и Стас, как истые экологи, оберегают доверчивых птиц от посягательств, и те чувствуют себя как в заповеднике. Но стоит при виде фазанятины загореться кровожадным глазам какого-нибудь захожего чужака, как птица взмывает свечой и планирует в заросли леспедыцы. Словом, лесная заимка, где вольно пьется и поется.

И вот ни с того ни с сего какая-то упертая сила втемяшилась в Горепанова — не пускает и будто бухает в башке: не ходи, не ходи!.. Может, и впрямь, лучше смириться, не дергаться?.. На работе наступающий Новый год встречали. Шампанское, коньячок «Арагат», апельсинчики, «Птичье молоко»... На фазанов тоже предновогодье нашло: завывуливали из сугробов; снежные веера, солнечно-радужные, словно ангельские крылья, взнялись над казармой. Такой салют-фейерверк! Но даже шампань не пошла почему-то Кришу. И здоровье вроде позволяло, но что-то встопорщилось в нем. И прежде случались подобные непонятки. Прислушивался к себе — и следовал этой некоей воле, похоже, благой. А тут пересилил себя — наперсток коньяка встал колом. И кол тот боком ослушнику вышел. Полоскало — едва нутро наизнанку не вывернуло.

Такая расплата за непослушание! Урок!.. А Стас к «Арату» еще спиртику добавил — и все соколом!

А с Галиной расписывались... Сердчишко заподсасывало, и лимузин, в котором собрались катить на расписуху, вдруг стал оседать на передок. Уперся носом в землю: не поеду, дескать, — и баста! Враз два колеса спустило! Не знамение ли? Одумайся, мол, Горепанов, пока не поздно! А он начал задрвенно метаться по дороге, ловить мотор: только бы успеть подставить дурную башку под хомут!..

Но день рождения — да еще друга — святое дело! Какие могут быть терзания?.. Но его будто кто-то водил. Сбил с тропы, по которой он мог прийти на работу с закрытыми глазами. И свернул Горепанов на окольный путь. А с того окольного — на заокольный, и еще на закакой-то...

Разговоры об отпуске — круглый год. За полгода — подготовка. А уж последняя неделя — адская свистопляска. Шкафы вывернуты наизнанку: того нет, другого нет!.. Все провоняло рыбой: копчененькую обожает сестрица, племяши, кисельная родственная орава. Ор, содом, пятиметровая запретная зона для мужа с дочкой:

— Не лезьте под руку! Не видите, я занята!..

Рвет тела из ночи тройца садистов-будильников — два для подстраховки. Резано верещат, скачут, сотрясая сонную девятиэтажку. Души, витающие вдали от тел, начинают метаться теньями...

Четыре то ли ночи, то ли утра. Светочка вычмокивает сонные калябушки:

— Мапачка, сапть пола...

— Пора, пора, доченька! — соглашается папа, бережно вынимая солнышко из колыбели.

— Вставай, Светлана! — выбредает из суматошного дорожного сна невыспавшаяся Галина. — А то к тете Тане не возьму!

Целый год не берет мама дочку к заветной тете Тане: за несъеденную порешку, за нечищенные зубы, за трояк по матеше, за песок в кроссовках...

Минута молчания перед дорогой. Несуетная, вполне серьезная, грустная даже: как бы чего не стряслось, самолет все-таки.

В подъезде хоть глаз коли. Галина чуть не сверзнулась с лестницы и накинута на мужа, что не вкрутил лампочку. Дохлый номер! Тырят мгновенно, крохоборы. Как будто днюют и ночуют за мусоропроводом хитрые электрики и ждут не дождутся, когда осветитель из восьмьдесят третьей вставит в патрон подарочек. Если быть таким щедрым, то на одни эти щедроты и придется вкалывать. Да что там какие-то лампочки! Электрощитки во всем подъезде раскурочили и счетчики с мясом повыдирали.

На улице темно и глухо как в танке. Горепанов корячится в три погибели: рюкзачище и два кожаных пузана, багажные ремни скользят по ним с угла на угол. И ни встряхни, ни поправь — тут же гремучее, на всю пустынную улицу, шипение жenuшки:

— Ты что, *пампа* Гриша, эстетично *мачеданы* носить не можешь? Всю рыбу пожамкаешь! Не мужик, а *жумик*!

Всяк по-своему расцветчивает клячу-жизненку. Нарком накальвает ей пегасовы крылья из долины грез. Черный пьянчужка навешивает на нее белогорячечных чертей из низшего астрала. Галина унаследовала от папаши словоделие. Тот, политик,

звал Мао Цзэдуна Мама Задунь, за что и отхватил дворовую кликуху Мамазадунь. Галина украсила невзрачную лошадедку словесными цветами, вывернутыми наизнанку. Отец и дочь Горепановы тоже были заражены словомарательством: *челдобрек, сметанюра, срамофон, лепестричка, дырточка, авгрусть...*

Светик-стебелечек стойко гнулась под цветастым рюкзаком со множеством оттопыренных кармашков. Из-за страдающей дочурки Криш еще больше путался с неуклюжими чемоданами. Хоть в зубы бери Светочкину ношу. И сама Галина чуть ли не по асфальту волочила две матрасовки.

А на работе у Криша пылился старенький жигуль. Стас привез из Южной Кореи драную, с жеваной резиной и разбитыми подфарниками «Хенду». Подшаманил ее, а Кришу по дружбе, по дешевке продал свой б/у. Но Галина и слышать не хотела о драндулетине. Хватила с ней сраму! На работу опаздывала, волей-неволей пришлось влезть в эту позоруху. Скучающий гибэдэдэшник, не зная, к чему придраться, заявил Горепанову:

— Водитель! Имея такую респекабельную внешность, вы, управляя устаревшей маркой «Жигули», своим поведением унижаете человеческое достоинство!

Отказалась вреднючка и от услуги Стаса: с таким водилой обязательно вляпаться в аварию! С нежностью, как горячо любимую девушку, вспоминал Криш своего жигуленка, обливаясь потом на голгофной дороге и костеря про себя зловередную супружницу.

Нет худа без добра. Эх, жизнь полосатая! Трамвай ждать не пришлось: прибил откуда-то, полуночник. Автобус благополучно дополз до аэропорта. Регистрацию объявили вовремя. Посадка.

— Приветы всем, как прилетите, позвони, Галь!

— Супчик вари себе, Гриш, мясо в морозилке, курочка, лапшичку ты любишь.

— Обязательно позвони, Галчонок, и ты, Светик, папу не забывай, напиши, как там Жулька, ты ведь уже босу-усьяя, второй класс!

Чмоки-чмоки, счастливо, ну всего!..

У-уф!..

Дождаться не мог, когда улетят. Улетели. И пусто... Будто отполовинили Криша проводы.

Прежде он уносился от аэропортного обрыва на «тачке». Ныне же таксеры, все как один блестящие золотом зубов, с кривоватыми ухмылками сучили щепотью пальцы, заламывая мародерские цены. Он поспешил на автобусную *постановку*. Горепановский диалект.

— Там люди поставлены, значит, там *постановка*! — утверждала свое миропонимание Светланка, когда ей было пять годиков.

Автобус, на последнем издыхании довезший Горепановых до аэропорта, сдох окончательно, и вместо него на Владик* сунули лазовскую жестянку.

Кришу удалось пристроиться на продольной лавке спиной к окну. В ЛАЗ набилось много разных времен. Обветренный бородач в энцефалитке уже выпал в сон, прислонив кудлатую голову к окну. Он очутится во Владике тотчас же. Лицемерие пейзажей в десятки раз сокращает дорожную мутоту. Кришу же предстояло битый час до одури глазеть на стоящих перед ним. Для них этот час растянется до десяти. Деревья эти, готовые к десятичасовому стоянию, раздвинул двухметровый лось, могущий осуществить закат солнца вручную. Впихнул перед Кришем обаяшку в жовто-блакитном колоре. Лапочке было не больше двадцати, и Криш не проявил джентльменства, устрасился поменять свой мурторный час на чудовищный, бесконечный. Да девушка и не нуждалась в его галантности. Улыбчивая, с ямочками

* Владивосток (мест.).

на свежих щечках, она по самую маковку захолонула Криша луговой свежестью. Жаль, что такая славнушка с этим лосем!

Из-за подобных очаровашек каждая поездка в трамвае становилась для Криша сладкой пыткой. Особенно в голенастую ситцевую пору. Касания, прижимания — словно волнующая тайна двух в благословенной давке. Ходит ходуном людское стойло, оттирает стадо лапочку от Криша и вдруг бросает их друг на дружку, тело к телу, дыхание в дыхание. Так и стоять бы вечность! Но девушка смущена внезапной близостью, и Криш виновато улыбается: извините, мол, я не хотел, дикая толчея. Оба воротят головы, дергаются, пытаются разлепиться. И толповорот крутит девушку и тащит к выходу. Ну оглянись же, милая, позови взглядом! Не оглядывается...

И так почти всякий раз влюбляется Криш в общественном транспорте. Ну, пляжный флирт — еще туда-сюда. Море — словно тысячи женских ласковых ладошек; влажно-эротичные волосы бронзовых русалочек; возбуждающие полоски на грудях и бедрах — без них не то. А тут трамвайный... Неужто и через сорок лет он, старпер, песок сыпучий, будет заглядываться на юнчих?.. Измена ли это Галке? Воображение гуляет — не он. Прыщавая петушиноголовая юность такую распишет романтику, такой лирический идеал, что законнобрачным Галькам и Риткам до него как до Луны. Горепанову, видно, суждено до гроба идеальничать. Хотя много ли мужику надо? Трется, ластится к Галочке, а она редко отвечает взаимностью: то у нее давление, то голова... Только брови не болят.

Все вверх тормашками в этом мире! Мужики ласковее баб. Со Стасом на работе вчера «шилце» дернули. Спокойный, как слон, нервы — канаты, кореш весь «керосин» чуть ли не со сладкими слезами делился радостью: Ритунчик посулила общение! Скупое мужское счастье! Слово-то неприступное почти: общение. Да-а!.. Мужья домогаются законных жен, те делают одолжение. Матриархат, едриш твою!.. Как тут не свихнуться, когда на тебя — коленки в коленки — ложится почти эдакая прелесть. Хороша Маша-Наташа — да не наша. Как бы лампасник не возревновал. Ба-а!.. Да он сам по себе. Скромняга из скромняг. Стоит смирнехонько, пот градом, барахольный узел в матрасовке зажал столбовыми ножищами. Подвинулся Криш, грубовато, по-свойски бросил: «Садись!» Да-а!.. Посади свинью за стол... Расселся, как в кресле, ляжищи раскинул, на них барахло свое деревенское возложил. Ряха простоватая, довольная, как у Емели-дурачка на печке. Пролетел Криш! Сейчас бы с девочкой мурлыкал, шуры-муры, трали-вали. Видно, что первый раз она во Владике. Может, и остановиться бедняжке негде? Черт бы побрал мешочника! Не-ет, не черт этого черта подсунил...

Гостили всей семьей в Барнауле у Татьяны — сеструхи Галкиной. А Танюха — оторви да брось! Матерщинница отъявленная. Колян ее догазовался — со ста граммук косеет. С ним и не посидишь, и не выпьешь как следует. Горепанов пивом напузился и на кухне дрыхал, поближе к туалету. Ну Танька и присоседилась ночью к сваяку. Он было рассолодел, да некая сила будто пинком вышибла его из такого соседства.

Сила эта благая частенько ставила Криша на место, а то и наказывала. Потянулся как-то за рюмашкой: погода шептала. А та спорхнула ласточкой с полки — и в салатницу. Наперсточек на тонюсенькой ножке — вдребезги разнес массивную посудину! Галка про свою «мыльную оперу» забыла, налетела, как тайфун:

— Не Гриша ты, а груша безвольная, *алкакашка* несчастный, руки-крюки трясушие! Татьянин подарок грохнул, склейвай давай!..

Рос у Горепанова во дворе любимый ясень. Дом сдали и деревца посадили. А ясененку не везло. *Сэрбернар* Грэй сантехника Володи его облюбывал и чуть не сжег своей «живой водой». Криш колышки вбил вокруг туалета сэра Грэя и шугал из окна пацанов — зеленых недругов, которые норовили сломать деревце

для чингачгукского лука. И вот за все хорошее кудряш яшень до крови ободрал спасителю руку. Горепанов под газком возвращался домой и по-есенински обнял его. Как Тарас Бульба, разгневался пострадавший на предателя и чуть было не разделался с ним. Но сошкуренная древесной корой рука не шибко болела. И Криш успокоился, ласково потрепал кудри ясеня:

— Молодец, дружок! Так мне, керосинщику, и надо!

А на другой день то, что гнало Горепанова от греха подальше и ставило каленые щелбаны по глупому лбу, спасло Светика — кровиночку его.

Покушения на дочку начались, когда ей было всего два годика. Татьяна Катька нечаянно скользом ткнула двоюродной сестричке фломастером в глаз. К счастью, все обошлось, но крапинка у височка, как цель для следующего покушения, осталась. Садишный бандитик Антошка Смородкин саданул Светлячка лопаткой по злополучной отметинке и чуть не рассек глаз.

И вот Горепанов с дочуркой, взявшись за руки, идут из школы после чаепития. Света — второклассница! Огромным белым георгином благоухает бант, кружевами пенится фартучек, и сама Светочка сияет, как цветок. Папа шаловливо щечочет дочуркину ладошку, Светик заливается солнечным смехом.

Они поднимаются по лесенке в сопочку к дому, пересекают двор. Возле ясеня-кудряша, изображая ниндзя, похожий на барчука, неуклохе крутит железный прут мальчик в матроске. Внезапно прут вырывается из его рук и стрелой летит... прямо в Светочку! «Сколько же можно?!..» — отрешенно, словно в забытьи, думает Криш, имея в виду очередное покушение на дочку. Необычайно ярко, до слез, точно через четкую, резкую линзу — стеклянную, воздушную, водяную? — он видит медленный, вечный полет железяки-убийцы... Вот она уже в метре от Светочкиной головки. И странно... Отец спокоен, не ужасается, ничего не делает, не защищает, не спасает дочку. И вдруг пруток будто натывается на невидимую стену, чуть увязает концом в ней, но убийственная сила его не угасает. Он со звяком соскакивает на землю, делает кульбит, подбираясь к своей жертве... Но точно невидимая рука отбивает его смертоносный конец. И все же, кувыркнувшись, другим концом прут скользком задевает Светочкин шрамик у самого уголка глаза...

Только тогда до Криша доходит весь ужас происшедшего. Вмиг ослабевший от потрясения, дрожащими руками он прижимает к себе дочурку. Наклоняется, чтобы рассмотреть ранку с капелькой крови. И тут Светочка, всхлипывая, начинает дрожать — вот-вот зайдется в истерике.

— Па... памочка!.. — нервно заикаясь, косноязычит она и задает самый страшный вопрос: — А крови нет?

— Пустячок, царапинка, — бодро улыбается отец, смахивает кровяную росинку и резко выпрямляется: — Все в порядке, Свѣча! Держи нос морковкой!

Подсознание некстати озвучивает немой вопрос, и Криш удивляется, как будто не он — без восклицания — произнес:

— Сколько же можно?

И этот хладнокровный вопрос из странного оцепенения как бы расшевелил скукоженный, материалистический мозг Горепанова. Спаситель — ангель-хранитель — находился за временной линзой. За ней происходило все невообразимо медленно. Перед ней же — мгновенно. Подсознание выскочило из глубин своих на поверхность, и его глазами Криш увидел *ту сторону*. Тело же было *по эту*. Для него все случилось за долю секунды — оно и ужаснуться не успело.

Мальчик, разинув рот, вылупив глазенки, как заведенный мотал головой и, заикаясь, лепетал:

— Я... не я... Я не хотел...

Горепанов взглянул на свои командирские: без четверти три. Гости, поди, уже все собрались. Это ж сколько блудил он? Больше часа! И как угораздило забрести совсем в другую сторону? Случайное — неслучайно. Что за сила водит? К чему все это? Блуждания? Воспоминания?.. Вот они и водят...

А день начинался радужно...

Вызвев шланг из окна первого этажа, обхаживали, мыли турбоскоростную «Мазду-Космо» цвета металлик брата Долгополовы. Горепанов, с похмельца, попросил направить струю на него. Размеренные в движениях, мрачноватые, как роботы, двуногие мускулы нехотя оторвались от подружки «Мазды» и, окатив похмельного соседа, полоснули по окнам нижних этажей. Захлопали оконные рамы и двери лоджий, задребезжали стекла. Загавкала охрана. Отовсюду высунулись исполощенные людские и собачьи головы — и тут же обомлели: прямо перед их глазами искрилась, переливалась цветасто, сияла радуга! Не монументально-архитектурный мост в небесах, а рукотворная, летучая, живая радуга! С доставкой на дом! Ее случайно сотворил поливальщик — и никак не мог, зачарованный, оторваться от своего чуда. Как живописец, водил и водил водой дугу в воздухе, заорожив проснувшийся дом и весь белый утренний свет.

И жизнь предстала перед Кришем могучей, как взмах радужного живописца. Пахла синевой пойманная ладонями вода, легкие дышали вольно этой синевой. И опившись синевы, радостно шумел август...

Блуждания. Воспоминания. Грехи. Вроде отрешился от них, да заплутал...

— Би-би би-би-би!.. Криш!..

«Спартаконец» Стас под окном. «Хендейку» подшаманил, марафет навел, под цвет доллара покрасил. И этот «доллар» боком ему вышел: похоже, пасут рэки стасову «корейку». Их гнойно-акулий «мерс» нагло задрал рыло, смяв колесом бортик песочницы на детской площадке...

Криш метнулся в кладовку, сдернул со стены пневматическое ружьишко и высунулся в створку окна. Победно, как барбудос, потряс воздушшкой и погнал на блатной фене:

— Мастевый? Кент? Если это не ты, я сваваю свои уши! Буквари хотят, чтобы их отторцевали? — Криш прицелился в лобовое стекло «мерса»: — Эй, шлюмки, здесь вам не сучья зона! Хилий, пока бан не отошел от вокзала!

«Акула» и не дернулась даже; хищно, точно в заводи, продолжала выжидать. Но заводь, несмотря на понт базлака в окне, оказалась сучьей зоной. Из скверика, с выгула, повалила разбродная, измочаленная в кровь и клочья стая кобелей и сук и растрепанных их любимых хозяев и хозяек. «Мерс» мягко качнулся и, хрустнув досточками песочницы, нехотя стронулся со сторожевого места.

— Колос-сально! — шумно ввалился к другу Стас. Непробиваемый, как сейф, сейчас он был взбудоражен; от «кирпича» его можно было прикуривать; овечьи глаза навывкате вовсе вылупились. — Ты где, старик, *перданку* такую отхватил? — Он по-хозяйски бухнулся в кресло и со страдальческим подвывом вздохнул.

Струхнул, комплекс полноценности. Неужто после такой передраги ни грамм-мульки не пропустит? Поглядывая в окно — не вернулись ли Стасовы пастьры? — Криш молча указал дулом воздушшки на свой браный стол с початой «Русской».

— Ни-ни, за рулем!.. — Стас обреченно вздохнул и самодовольно отрезал: — За рулем не пью! Хоть стреляй из своей пушки, старик!

Горепанов тоже не пил за рулем, и тоже после всякого геройского отказа его распирала гордость: а еще Галька обзывает керосинщиком! Но сейчас, после отъезда родненьких, его грызла тоска, и он остро, до боли сердечной, нуждался в друге. К тому же этот треклятый трезвый руль был спасен им, Кришем, и Стас

мог бы отблагодарить спасителя, тяпнуть малехо за победу. Сворачивая друга, Криш необычайно звонко щелбанул себя по кадыку и заговорщицки подмигнул. Но Стас, как индюк в зблотах, напыщенно надулся и нехотя спросил:

— Улетела твоя?

— Улетела, — со скукой ответил Криш и с намеком добавил: — Оставила без рубля.

Стас директорствовал в ООО «Вентиляция», а Горепанов мастерил в этом обществе с безграничной безответственностью. С заказами было туго, и «Венка» сидела на мели всем днищем. Надыбал недавно начальник клевую работенку: Дому отдыха для местной *брюхократии* понадобилась вытяжка над бассейном. Криш сотворил эскиз — полный отпад! На высшем дизайнерском уровне! Осьминог с вытяжными отверстиями в присосках на щупальцах. Кинетический, вращающийся, щупальца шевелятся, опускаются к воде. Вот будет визгу! Прибалдеет какой-нибудь старый нудист с юнчихой — а осик шлеп его по лысине, хватъ девицу за попку!.. У бонз осик прошел на ура, и у Горепанова чесались руки по работе, по денежкам.

— Меня Ритка тоже оставила без рубля, но никуда не уехала, кобра! — на жалобу друга пожаловался Стас. — Договор на «осьминога» на следующей... — запнулся, скривился, как от боли. — А пока вот хотел шару посшибать на своей тачке, да эти кабаны прилепились. Давно бы счавкали меня, если бы не это... — он распахнул ветровку и похлопал по пустой кобуре на пояском ремне: — Она у меня на заднем стекле болталась перед их рылами. Повезло, что гибэдэдэшники не засекли. Испаряются, блюстителы, когда сволота права качает. Вижу, и ты, старик, вооружен и опасен.

— Светланка «Денди» все просила к дню рождения. Компьютерное поколение. Будущее двадцать первого века. А тут на днях к соседской *лебледи* кодла подвалила. Спьяну к нам затрезвонила. Галки не было. Обычно она к двери бросается поперед меня и орет: «Кто?!...» Я никогда не спрашиваю. Неудобно. Ну и мужичошка, скажут, хздиловатый в восемьдесят третьей. Открываю, и все. И тут без всяких расхабарил ворота. Упитые в дымину. «Где Ланка?!...» — рычат и прутся прямо в хату. На силу вытурил, чуть по роже не схлопотал. Вот и приобрел для понта пневмашку в комке. Облтал Светку: стрельба, мол, спорт — куда полезней всяких «Денди». Да и на самом деле еще испортит компьютер глаза ребенку. Подрастет, там уж... Стрельнула раз-другой — и не оторвешь. *Стрелочницей* себя величает. Я — стрелок, она — *стрелочница*. Звонили. Прилетели уже к Татьяне, за столом сидят. Меня вспоминают. Ишь, икается мне...

В болтовню Горепанова вплелись рулады, которые свирелил нос прикорнувшего Стаса. Криш не раз замечал, что его речуги нагоняют сон быстрее наркоза.

В студенческую еще пору подрабатывал сторожем на угольной базе. В одно из дежурств затрезвонил телефон. Не сомневаясь, что проверка, мрачно доложил:

— Угольная, сторож Горепанов! Все в порядке!

— Алье-о-о, разве это не балетная студия?

Манерный, с капризцей, музыкальный голосок вызвал в воображении Криша фарфоровую балеринку из недосягаемых, высших сфер жизни. Боже, с какой каменнойкой на душе добирался он до ненавистой базы! Ветрюган, мокрый снег, слякотища. Однокурсники — кто в читалку, кто на дискотню, кто к мамочке-папочке. А он, как проклятый, на перекладных, в эти, на отшибе города, угольные отвалы. Да еще на целую ночь, которая длится дольше вечности. Где справедливость?!..

Пламя классового протеста полыхало, гудело в униженной и оскорбленной груди, как в паровой топке. Взобраться с таким огнем на пик угольного казбека, чтобы факел из человека, как статуя Свободы, был виден всем морям и океанам!.. А тут еще девичий голосок с того, белого света.

— Нет, девушка, это не балет, а угольная база! — точно бритвой располовинил Горепанов мир — на тот и этот свет.

— А вы кто будете? — ангелок, казалось, хотела протянуть белоснежное крылышко в Кришеву темь.

— Сторож я, сторож! — будто заклепал железную перегородку перед лучисто-перистым крылышком.

— У вас такой красивый голос!

Дыхание у Горепанова прервалось, и он тихо опустил телефонную гантельку на замызанную тумбочку. Задышал часто, тяжело, как собака в духоту. И чтобы трубка не слышала собачатину, потной ладонью зажал ее. Но кровь в руке бухала молотом, и Криш взял трубку тихой щепотью. Глянул на свою лоснящуюся от угля сторожевую робу, на коцы — клепаные кирзовые башмаки-броневики. Обреченно приложил трубку к уху.

— Нельзя ли нам встретиться?

— Очень жаль, девушка, но я гораздо хуже, чем вы представляете.

— Ах, какой восхитительный голос! Нам непременно надо встретиться!

Свободная левая рука от мучительного разговора зябкой культей свернулась в черной трубе рукава. Но словно преображенная девичьим восхищением, высунулась, потянулась...

Он не холил свои руки, как Чаадаев. Но вырывал на козанках дикие, остистые сорняки, очень коротко обрезал ногти; даже миллиметровые каемочки на них вызывали у него ощущение когтистости. Малейшую заусеницу тотчас же чикал бритвочкой. Нежная, розоватая зорька на ногтях, зоревые восходящие облачка солнышек. Загорелая, почти без морщин кожа. А ведь Горепанову уже сороковник стукнул, и при монтаже он и электрослесарь, и жестянщик. Однако ссадины и порезы на руках сходят быстро...

И в сладостной грезе Кришу увиделось, как прекрасная незнакомка, упиваясь его голосом, гладит его руки, греет ими свои свежие, яблочные щечки, нежно касается их пухлыми губками...

Голос и руки — немалая сила. Вот если бы только их для начала отправить на свидание. А то ведь они в глаза не бросаются. Глаза же дают первую — а часто и последнюю — оценку. По одежке, по фейсу. Половину студенческого брехунка под нехилым названием «Perpetuum Mobile» занимали колонки под шапкой «Сводня». Как пескаришко на червячка, клонул Горепанов на одну объяву. Созвонился с избранницей из универа, договорился о встрече в Покровском парке. Благо, издали, из-за деревьев, засек универку. Бежал!.. Кислотней Агузаровой нарисовалась девица. Так и телефонная лапочка сквозанет при его несурзной видухе, как Эсмеральда от Квазимодо.

Будто не взявший вес штангист, двумя руками, с бряком, опустил Горепанов трубку на тумбочку...

Глянул на Стаса. Тот уже не рулады свирелил, а тревожно постанывал и даже вскрикивал. Что-то мучило его. И о договоре, видать, темнит. Получил, наверно, предоплату и профукал. Кредитнулся — и на счетчик залетел. Вот и скривился, как от зубной боли. От смертельной. Допрыгался! Не вышибали ли коллекторы за ним охотятся? Эх, Горепанов, такой поклеп на друга! Презумпция невинности...

Криш был в шаге от истины. Для поддержки «штанов» своей фирмы Стас взял кредит в банке. Процентом набежало изрядно, и для их погашения он сунулся в экспресс-займ. Раз, другой, третий... Измельчал до того, что брал в долг по десять тысяч рублей. Возьмет десять, а через две недели отдает пятнадцать. Пока заказы были, выкручивался, долги отдавал. И вот заказов почти не стало, и с деньгами возникла напряженка. В очередной раз взял в МФошке десять тысяч, а вернул только

пять. А через полтора месяца мфошник позвонил и «обрадовал», что долг вырос до сорока тысяч. Следующий звонок: до шестидесяти... Набежало сто шестьдесят тысяч. Коллекторы трезвоили целыми днями, а потом и вовсе устроили охоту...

Обо всем этом Криш только догадывался, но гнал от себя подозрения: всяк домысливает в меру своей испорченности. Однако ж то стародавнее удручающее состояние «угольщика» не покидало его. Тогда студент Горепанов хоть что-то за сторожевание получал. Ладно, Галина в финчасти флота бухгалтером, там вовремя платят...

Он скосил глаза на Стаса. Спящая голова, как чугунная болванка после отливки, пышкала сизо-бордовым жаром. Вот она — периферия зрения! В ней тайное видится явным. Аура... Неслышная музыка человека, невидимая цветомышль. Не песня лилась в тихушнике Стасе, не радуга блистала — скрежетала какофония, брызгала селевая грязь. Серятина в бытовухе, пиршествовал на своем тихушном куршавеле с подружками супружницы... Сосуд греха.

Криш резко дернул головой, до ожога: растянул шейную мышцу. Нет, не видел прежде никаких аур — и не видеть бы их вовсе! Уставился в окно...

— Пальма, ко мне! Ко мне, Пальмушка! Ну ты-ы!.. Ка-а мне-е!.. Кому говорю?! Ка-а мне-е, ду-ура!

Овчарка, как телка на лугу, носилась по детской площадке, но страшное «дура» вмиг повергло шалунью в скулежное пресмыкающееся. Она на брюхе подползла к своей юной госпоже и лизнула лакированную, с бабочкой-бантиком, туфельку. Малолетка в «леопардовых» лосинах пнула собаку по зубам и осчастливила ее похлопыванием по холке. Обалдевшая от такой милости, овчарка осклабилась подобострастно и перевалилась на спину, раскинув лапы.

Возле дикой парочки неосторожно замедлил шаги мужчина. Девчонка ощерилась и зарычала на него:

— Ну ты, ка-азел! Чо пялишься? Вали давай!

Вскочила и оцетинилась собака: вот-вот бросится на «козла». Мужик погрозил сучарке кулаком. Та поджала хвост, взбрыкнула, стриганула лапами, точно кенгуру, и свалила свою прекрасную госпожу...

Собака расплодил! Важничает, выгуливая; ипиваются музыкалий кличек: Тэйлор, Кристо, Этуаль Нуар... А породы, породы!.. Стаффордшир — как будто из палаты лордов. Рокер... или кокер-спаниель. Чихуа-хуа из Муданьцзяня... Из подъезда важно вышагивает гнедой жеребчик. На поводке, едва поспевая за ним, волочится водопроводчик Володя. Пивная бочка, могучный властитель девятиэтажки, он косел только после обхода сотой квартиры. И вот сантехник-сан, подпав под лапу Грэй, дошел до ручки, до спички даже. Его кодировали от запоев, вшивали смертельную ампулу, но только Грэй отвадил забулдыгу от злодейки с наклейкой. Покусал разок поддатого, покусал другой, и даже, когда тот втихаря курнул бычок. Теперь сенбернар-сан изволил выгуливать доходягу Вову и поволок его в скверик на тусовку дворбернаров. Скоро оттуда вывалился оруще-лающий ком...

Пропахший густопсовостью, подъезд с первого этажа по девятый начинал ходить ходуном от всякого пустого бреха. Собачатник! Многодетные Тухватуллины с первого этажа плодили короедов и забаву им — терьерчиков: кажин рабонка — по живой грушка! Мара Наумовна с пятого карнала свою пудельную овечку на вязку. Крутяк Славка, сосед Горепановых, ходил и ездил только в сопровождении телохранителей — двух мраморных догов-близняшек. Нарком Эдик развел овчарню и сдавал за рублики рэксов и джувльбарсов погранцам, за что его прославила газета «Пограничник на Дальнем Востоке».

— Собака — рубль человека! — провозглашал Эдик и добавлял: — И хороший рубль, длинный!

Но вот мелкотравчатая философия идейного Эдика круто возросла:

— Собака — друг человека! — проникновенно, глубоко символично изрекал он и издавал мефистофельский смехок, ибо имел в виду не жизненный круг, а наркотное «колесо».

Горепанов, когда собачий бум еще только начал бумкать и в подъезде заблагоухало псиной, выдал саркастический перевертыш:

— Человек — друг собаки.

Когда же Свэча пристала: купите да купите щеночка — папа попробовал растолковать и дочке, и маме, что человек не дорос еще до того, чтобы быть другом собаки. Не Тэйлор же виноват, что гадит где попало и кидается на прохожих и на машины?..

И вот собачье-человечья куча мала, кровавые клочья!.. Не раз предупреждал Горепанов собачников, что добром их случки не кончатся, что скверик — горячая точка покуче пиратской Сомали.

Богатеи Суховерковы подпирают секретно-стальные двери элитными «кавказами» от злобных производителей, чемпионов Эстонии, Таиланда, Европы. Шаги Горепанова всегда опаляются через сейфовые двери драконьим дых-пыхом. Из-под расхлябанных бедняцких дверешек горохом катится перебрех шавок невообразимых смесей.

Б/у жена человеческая Вика в зените своего профессионального взлета привезла из шоп-тура по Италии голубого мастино-наполетано и симпатичного шарпея. От шерсти волосатого италяшки на Викиной лестничной площадке у Криша всегда першило в горле и свербило в носу. Эти муки ужесточал дремлющий старпер шарпей, от «голубков» которого трещал дерматин на двери старой путаны. Сверху шарпеево и шерстяное благовоние давил перегар Рябыкиных — грузчика гастронома Алика и его дружка бультерьера, с которым хозяин забутыливал. Если Рябыкины не добирали градусы, то нагоняли зеленую тоску на весь подъезд, тянули собачье-человечью без слов, как два акына в голодной степи. Всякие слабонервные чау-чау и бasset-хаунды не выдерживали и, поскуливая, сострадавая, подтягивали Алику и Бульке. Тогда жильцам хотелось скинуться на пару фуфырей и заткнуть ими тягмотные, недопившие глотки.

Врачихин силаболин Эшли — редкостный, аптечного цвета, альбинос. От него и несло как от аптеки. На умирающей вой несносных пьянчужек он строго гавкал. И будто слышались команды хирурга перед операцией: «Скальпель! Пинцет!..» И алкаши, точно и впрямь страшась хирургической резни, на какое-то время обрывали душевные излияния...

Если у Горепанова когда-нибудь будет свой дом или коттедж, то он заведет тогда пса и назовет его Томагавк. Сейчас же взгляд Криша, как томагавк, обрушился на спящего начальника. Хм-м, презумпция... Безумция. Безумное предположение... Помотал головой, сбрасывая эту приставучую презумпцию, улицу с собаками и их друзьями. Вроде в полной свободе пребывает, а тоскливо как-то. Без Галки и Светика... А-а!.. Настолько человек зажат, что воля вольная тоскливее тюряги кажется. Синдром вечного зэка...

— Колос-сально, старик! — Стас долго, удивленно промаргивался. — Как ты начал заливать, так я погнал храпака во всю ширь. И всякие проблемы — семечки. Что-то в тебе есть... Прямо народный экстрасенс! Друг называется, таланты скрываешь. Будешь время от времени снимать с меня стресс. А то иногда хоть пятый угол ищи и на стенку лезь!.. Слушай, старина, бухгалтерша наша Юлия — вот кто тоже здорово нуждается в этом. Всех целителей обошла и центры народной медицины. Все без толку. А у нее та-акой стрессище!.. Она грохнула своего мужика!

— Замочила?!.. Эта серая мышка — тише воды, ниже травы?..

— Муж ее живописью маялся. Богемщик. А они — отпетые гулеваны, из богемы которые. Ясный пень, она знала, что он за юбками таскается, но ни разу ни с одной его не застукала. Натурщица всегда на подиуме заставляла. А тут... Ну вот, дома ему все и высказала, какой он звездострадатель. А он подшофе был. Богема-то по трезвянке без выпендрежа не может, а газанутая — вообще дурная. Рассвирипел мужик и на нее поволок, кулачина — больше головы. Ну вмазал супружнице, расквасил портрет. Она сечку для мяса схватила и по башке изверга долбанула. Прямо по темечку! Он ее и раньше поколачивал, вот за все и расплатилась. Она под следствием сейчас, по подписке о невыезде. Из смуренки превратилась в нервного ежика с яблоками. Поддавать стала. Не остаграммится — не может уснуть. Покойник мерещится. Ну как, старик, сможешь помочь?

— Да ты что, Стас?!.. С чего ты взял?!.. Нашел целителя...

— Нет, надо бы выручить бабу! Бухша она толковая, без нее нам вообще кранты, налоговая сожрет.

Горепанов продрогло съежился от мрачной картинки: еще не хватало, чтобы его холостяцкие Гавайи раскисли в промозглой слякоти! Он едва шею не свернул, отчаянно замотав головой, и придушенно прохрипел:

— Нет-нет!.. Карма... Карма у нее такая.

Стас тугодумно закатиł лупатые глаза: так он всегда мучился над детскими кроссвордиками, судорожно шаря в темноватом своем «чердаке»:

— Судьба, что ли?

— Рок, фатум, судьба! — обрадовался сообразительности друга Криш. — И еще причинно-следственная закономерность.

— Во как!.. — растерянно захолопал глазами Стас. — Пропадет баба!.. — и сокрушенно вздохнул: — Квартальный отчет на носу... А Юлия — бухша дельная. Все у нее без сучка и задоринки, все циферки одна к одной. Богиня дебета и кредита!

Криш скривился:

— Ты — босс-бог, она — богиня! Не «Вентиляция» — Олимп, сверкающий... голым задом.

— Ну ты это брось! — озлобился было «олимпиец», но тут же смягчился: — Ладно тебе! — Пружинисто, с легкостью необыкновенной для его туши вскочил из кресла: — Колоссально! Как мотылек порхаю! И все — ты! А еще скромничаешь. Дико извиняюсь, конечно, но Юлию я к тебе пришлю, старик!

— Попробуй только! — усмехнулся Горепанов, уверенный, что за рулем Стас тотчас забудет о своей «угрозе». — Попробуй только... — повторил он, высматривая в окно стасовых «охранников». — Вытурю ее к едрене фене!

— Как грубо! — с нарочитым осуждением покачал крутолобой головой Стас и похлопал по кобуре: — Ну что за обстановка, старик? Боевая?

— Спокуха.

— Ну лан! Будем живы — не умрем, а умрем — так оживем! Ты случаем не забыл, что одиннадцатого твоему шефу сорок один стукнет? В «Венке» отметим, как заведено. Прощай, дорогой друг и товарищ!

Горепанов потерянно взял любимую Светочкину куклу Машу. Маша каждый день ходила в школу с хозяйкой, тоже первый класс окончила — фартучек в пастиковых почеркушках; в кружевных рюшечках застряли карандашные очинки. А личико — как яблочко. И за окном словно яблоневоый сад заката...

Вздрыгнул. Заверещал мобильник. Заелозил на столе, запрыгал. Высветился номер телефона бухши. Горепанов временно недоступен. Представил лицо женщины-убийцы. Мертвенно-бледное. С печатью смерти... Ознобные мураши сыпанули по спине. Передернуло всего. Будто подвергся заражению грехом. Чужим грехом

убийства... Мобильник уже не верещал, а визжал. До зубной боли. До защемления сердца. Горепанов временно недоступен! И опять истязание!.. Вырубил телефон!

Когда он ощущал пагубное дыхание какой-либо нечистоты, зараженности, обращал свой взор в светлые дни своей юности...

Для седьмых бэков — 76 — она была просто географичкой. Ехидный класс даже прозвище ей не смог подыскать. Для Горепанова она была *географиней* Анжелой. Изыщная, хрупкая, с едва заметным милым пушком над верхней губой. Анжела Ильинична только что окончила пединститут и в бэковском содоме казалась пришелицей с тихой, райской планеты.

Гриня Горепанов к тому времени уже начал поглядывать на девочек. Отличницу Надьку Телегину, ясно море, все звали Телегой. Он уменьшил ее до Тележки, а затем и вовсе до Надейки. Она же на такие заигрывания насмешливо звала его Гриней.

Анжела Ильинична называла Гришу необычно — Кришем, ставила ему необыкновенные четвертаки с плюсом. Он перед бэками реабилитировал себя озорством: вставлял в ноздри «бычье» кольцо от брелока, в волосах наматывал из тетрадных листков папилотки... Анжела с улыбкой утишала расшалившегося Криша, накрывала своей нежной ладошкой его руку. К концу учебного года она забеременела, стала еще миловиднее. А Криш ревниво переживал за нее: руки ее мужа, кавторанга, были костистыми, судорожно-цепкими, как у записного дуэлянта, острыми. Нежная Анжела...

Симпатия Анжелы к Кришу передалась и Надейке. Ее Гриня стал уменьшительно-ласкательным Гришуней, а затем враз перерос в Криша. Когда он выходил к доске, Надейка смотрела ему прямо в глаза. Все обмирало в нем. С неизъяснимым восторгом они оба ухали в какую-то небесную бездну и выныривали из нее всяк на свое место в классе со сладостной тайной на двоих. А однажды Надейка, как Анжела, положила свою плавную, певучую руку — она играла на фоне — на руку Криша. Он тогда залез в гардеробное окно помочь ей, дежурной, выдавать школьные пальто...

Так он стал Кришем. В энерготехникуме подобная симпатия возникла между ним и Галинкой. Однако ныне она и вспоминать не желает о тех былых нежностях...

Даже во сне он ее так и не встретил. Ту, которую любил нежно, бережно. Из-за бережности его она ни разу не явилась перед ним. Но дух ее, кареглазый свет, несказанным таинством волновал его и окутывал блеклую жизненку радужным смыслом. Он берег ее, ибо не был готов к свиданию с ней. И его словно кто-то берег для этой встречи. И от этого приятно холодило сердце пряный страх...

Дверной звонок чуть не треснул от трезвона. Нелегкая Ритку принесла. Ледок хрупок, а Горепанов тяжел. От сорности. Подобное тянется к подобному.

— Ха! Гришка! — загрохотала Ниагарским водопадом, и Криша передернуло от ее грубого запанибратства. — Ты что со Стаськой сотворил? Был как в воду опущенный — лампочкой светится. И я так хочу, Гри-иш! — капризно протянула незваная гостья, игриво-любовно водя ногтем-стамеской по бугристой груди Криша, оставляя на футболке глубокие борозды.

Вокруг жгучей, хищноватой *брунетки* масти «мустанг», Стасовой супружницы — королевы Марго — увивалось немало звездострадателей. Но Кришу она виделась как в кривом зеркале. Грубовато-атлетичная старлетка, Маргарита рядилась под девочку. Девочка — полный атас! И Горепанов поражался, что только он один замечал ее карикатурность. Якобы задорные косички и челочка; юбочка-поясок, позволяющая щеголять «французскими» ножками. Были бы они «французскими», кабы их уменьшить раза в полтора. И лицо Риткино казалось Кришу перекошенным флюсом. И он даже одергивал себя за придиричивость и зловерность по отношению к жене друга.

— У меня инфлюэнция, Ритусик! — попробовал отделаться от оккупантки Горепанов.

— Ха! Не импотенция же! Эссенция, экселенция... Что-то королевское.

— Да грипп у меня, Ритк, — жалобно и простудно заморгал «больной» и шумно зашвыркал носом.

— От холостяцкой жизни! — категорично заявила она. — Подженись к какой-нибудь, пока Гальки нет. Женатики меньше болеют и живут дольше холостяжек.

— Да им тюряга семейная кажется бесконечно долгой.

— И мне осточертело замужество! Вначале оно, как мираж в пустыне: с дворцами, пальмами, верблюдами. Но вот испаряются дворцы, затем пальмы, и остаешься с одним верблюдом.

Марго по-свойски прошла на кухню, достала из своего кока-кольного пакета забугорные баночки-коробочки и принялась кухарить:

— Устроим себе, Гриш, фиесту, сапогетти и духовную пиццу!

— Что ты собираешься делать, Ритусик? — убито спросил Горепанов, смиряясь с вторжением.

— Все, дорогуша, все!

От такой содомской глобальности Криш разинул рот. Да, лошадь надо бояться сзади, козу спереди, бабу — со всех сторон!

— Избыток пищи, Рит, мешает тонкости ума, — жалобно проблеял Горепанов, будто понял ее «все» лишь кулинарно.

— Меня, Григорий, возбуждает бриллиантовый дым, листопад из купюр и итальянская кухня.

И тут Горепанов дал маху: по-обывательски пошловато-зоологически расправил Марго:

— А Стас?

Обычно она хохотала раскатисто, как бы захватывая своей широкой натурой присутствующих. Сейчас же неожиданно затрусилась в мелком, беззвучном смехе и долго не могла выбраться из этой зыби:

— Ста?.. Ста-а?.. Да у него эмоций не больше, чем у крокодила, который бревном лежит на солнцепеке. А я ему все равно верна, как сейф. На-до-ело!

Опасная оттепель началась. Мощное потепление могло привести к резкому изменению климата в душе Криша. Неотразимая Марго соорудила на кухонном столике с облупленной клеенкой королевское объединение с великолепным «Амарретто». И Горепанов не на шутку струхнул: и она неукротимо возбудится, и он не совладеет с соблазном. Стол — это гибель! Только не стол!..

Запахи — соблазны женский и обалденный кухонный — оплели Криша, как змеи Лаокоона. Нос сам, суверенно, вострился в сторону магического сияния из Марго и ее капкана — изысканного стола. Змеи Лаокоона... Еще чуть-чуть — и преобразятся в ласкающие женские руки... И летучее, подвластное даже самой хиленькой мыслишке, Кришево воображение вывернуло коварную иллюзию наизнанку.

Змеи... Болото... Словно в приболотном мареве заколыхался одуревший Горепанов. Еще шаг — и он увязнет под болотными змеями. Устыжающая спасительная кочка: ведь она же друга жена!.. Как он будет смотреть ему в глаза? Галке? Светику?.. Кочка под плотской тяжестью вязнет в няше. Змеи-мысли сладостно жалят... Наивняк! Кто узнает? Такая фемина! Королева! А он еще менжуется. Уж на что Стас не кобель — уютно уютгом, и то в его победных реляциях с десятком побед. Вон шоферня юнчих с обочины каждый день снимает. Одна такая в гараже неделю обитала. Начальник, Стас, только посмеивался:

— Клевая для тружеников баранки релаксация, снятие дорожного стресса, так сказать.

А Рейтузика разжарило за кулинарными хлопотами. В одном Галкином халатике фигурирует. И когда успела разоблачиться, чаровница? Глаз не оторвать! Гибель разведчика!.. А она за приворотным столом от выпитого «Амаретто» гнала картину: этакая кругая изменщица. Глаза в истоме закатывала, дышала с придыхом томления, раскинувшись в кресле в соблазнительной позе. И все ж таки невольно припахнула халат, и влажные ресницы задрожали тревожно: а может, ничего не надо, Криш?.. И он, пьяненький, расчувствовался лирически. В сомнении ее, в незащищенности, в распаханном влажном взоре было столько женственности и даже целомудрия! И давешний, уничижительный образ Марго в стеклянном чудовище — воображении — преломился в хрупкую, милую девушку. В ту, единственную, которую Криш любил.

Благо, вытряхивается каждый раз из дурной башки трамвайная труха и напрочь забываются килечные консервные банки. А тут черед трамвайных попутчиц в образе единственной, любимой замелькала перед Кришем. Да, опять трамвайная влюбчивость. Как всегда, желаемое Горепанов принимает за действительное. Вредное для жизни, но благое для души свойство — чувственно милеть к женщинам и видеть в них единственную. В привычной и ершистой Галке не видится она более Кришу. А в Ритке увиделась... И это опасно: он может потащиться за ней, как за цыганской скрипкой. И он бы потащился, поплелся, пополз в упоении, если бы это была *она*. Но это иллюзия, обман, капкан...

Да, точно так! Стас сигналил под окном. Но не кричит, не зовет на помощь. Вот нюх у муженька! Украдкой, не задевая штору, Горепанов посмотрел в сумеречное окно. «Хендейка» с зажженными фарами. Стас — в ней, поджидает его. Окна горепановской квартиры смотрели во двор. Дверь подъезда с обратной, фасадной, стороны выходила на улицу. Криш командно махнул Ритке: выход свободен! Она мигом оделась, и дробь ее каблучков прострочила подъезд, подняв шквал собачьего лая.

Сумерки на паучьих лапках сползали по темно-серому небу. Высохший паучишко десантировался на паутинных стропах меж оконных рам к мумиям мух. На морском горизонте сопками бугрились тучи цвета подсиненных Риткиных век. Отсветы зари вызолотили ряд окон в гостиничной девятиэтажке «хихи-хаха» на сопке с водонапорной башней. Лунная пыль поднималась из-за сопки, коронуя ее своим мутным светом.

Ноги Горепанова от сиденья за «праздничным» столом мозжило, как, верно, мозжило луну, ползущую на сопку. Шаткие ноги едва не подкошились от дверного звонка. Требовательный, нетерпеливый, ужасно немзыкальный — хозяйский. Галка?!.. Дичь!.. Стас! Его зык схож с Галькиным. Как к себе домой. Вот бы глянул на изменщицкое застолье! Благовоние супружницы унюхал бы...

Зык!.. Зык!.. Вот трупердый! Как чувствует, что его благоверная была здесь. Никак не уймется... Горепанова уже корежит от невыносимого трезвона. Вздуродился весь подъезд. Собачий ор поднялся. Кто-то рискнул высунуться, полюбопытствовать. Это урезонило настырника. Звонко осекся. Все тело Криша будто разбомбило трезвонным колоколом. Поутюжил в ванную, сунул голову под ломовой удар ледяной струи, вышибая запачканность, зараженность, гадливость к себе и к Ритке. Почти изменил Галине. Почти согрешил. Да и не почти...

«Если бы мир мог существовать без женщин, — чеканился в простудно-ясной голове антифеминизм, — мужики бы общались с богами. Женщина — красиво окрашенное естественное зло. Красивая и неверная баба подобна золотому кольцу в ноздрях быка. И этот бугаина едва не вырвал с мясом звонок. Есть на свете три существа, которые не могут держаться золотой середины: язык, женщина и бабник». Горепанов удержался, однако, посередке. Благодаря тому, что говорил

одно, думал другое, делал третье, добивался четвертого. А стоило ли уж так темнить? Сам нарвался. Заметила приглядчивая Рейтуза потаенного греховодника в Горепанове и потянулась к греху. Благо, легко отделался. Хотя... Всякая злость ничтожна по сравнению со злостью униженной особы, подобной Марго, да еще позорно бежавшей...

Одинокая комната плавала в лунной взвеси. В тонкой графике оконной паутины узелками затянулся свет. И Горепанов ощутил себя одним из таких узелков, словно луна выпила из него все соки. Однако откуда-то источалась еще, беспокоила чуть обоняемая ниточка вкрадчивого запашка. Почуввав неладное, в тревоге запрокинул лицо к оконному небу — и в глаза посыпалась известка звезд.

Невидяще, точно слепой в чужой квартире, ощупью, на все более раздражающий запах пошаркал в кухню. Там, возле двери нашарил выключатель и в черном электрическом свете засунул руку в карман жениного халата. В самом уголке его, под фантиками, нитками, семечками и шелухой нашупал это «миро». Не благовонное масло для христианских обрядов — зло-воние! Не мир — война! Обыкновенная, колбочкой, пуговица из стекляруса. В вечном бабьем мусоре карманном и не отыщешь. Но ушко в неприметной пуговке — закрывашка-заверточка. В самом шарике — маслянистая жидкость. Какие-то дешевые духи. Дешевка! Ну и подлянка! Даже из задраенной глухо бомбочки свивалась въедливо-душистая петелька. Ядовито-зеленая перехватила удавкой горло Криша. Закашлялся в удушье, согнулся в три погибели. Вбежал в ванную, выпрямился, как боец перед вражеским танком, и швырнул «пуговичку» в угол. Брызнули стеклянные крошки. Пахуче-отравная радиация — счетчик Гейгера полетит ко всем чертям! И семья Горепановых. И жизнь вся!..

Во весь напор, до стенотрясения врубил воду. Струица колотила как отбойный молоток, до потолка высекая фонтан. Очистить, все очистить от Риткиной радиации! Смыть нечистоту, заражение, выкидыш греха!..

Вот та давешняя ярость и обернулась теперешней упорной силой, не пускающей Криша к Ритке, к ее муженьку — способным на подлянки. Он как будто застрял в вязком, как смола, полудне. Так что поворачивай, Горепанов, оглобли назад, коли не лежит душа к Стасовому мероприятию!..

Мощно, уверенно, как застоявшийся жеребец, рванул назад. Вместе с ним рванулась акация в скудной одежде и швырнула в него гроздь виноградных капель. Воздух врзался в грудь и едва не наполнил Криша полетной силой. А-а!.. Гори все синим пламенем! Домой! И никаких гвоздей! Но Стас наверняка пошлет за ним машину. Что ж, в сопках, как дезертиру, скрываться? Мелко плаваешь, Криш. Обещал же. И до работы рукой подать: через сопку в распадок — и выпивон-закусон! Что тебя ждет, живущий со скоростью мысли?.. К тому же сам по-черному виноват. Ритку спровоцировал на поползновения, Стаса чуть не предал. Хорош гусь!..

И опять изматывающий паморок неподвластной дороги. Каменная тропка будто узлом затянулась на горле: оборвалась — и все!

Взмыленный Горепанов, глухой заплот вспененных трав: сныти, болиголова, девясила, цикуты. В дремучей тайге трав-дерев трещала, свиристела насекомная живность, будто скворчала картошка на сковородке. И весь этот разудалый симфоджаз усиливался гулко до многократного лесного эха раструбами цветочных мегафонов.

У Криша, оглушенного заблудшей тропой, кровью своей и сердцем, громаханием оркестра в дремучих, дурманных зарослях, казалось, осталось только зрение. Мохнатая, тигриного окраса, гусеница встала на дыбы, ощетинясь, ощерясь. В травной тайге порскнул вдруг скрытыш пичужонок, до смерти напугал страшного зверя. Куда мохнатость у гусеницы девалась? Свернулась трусливым калачиком и хнула с узорчатого листа пижмы в оркестровую яму.

Продрался, проломился сквозь стену трав-дерев. Болотное пламя. Зеленая сырая мгла тяжело дышит, тащит к себе, засасывает. Оглянулся: живая, журчистая водица скрадывала, заливала его следы. Не пей, Гриняточка, козленочком станешь!.. Ничего, скоро страждущему и алкающему коньячком все воздастся за дорожные мытарства!.. Вспомнил прошлогодний юбилей Стаса, сорокалетие. Тогда тоже припозднился. Подле родной казармы скупились шикарные инотачки. Высший низший свет. Нужные люди — нужники. От этого автопарада, с выхлопами, поскуливая, отвалила «хендейка» цвета доллара. Стас сам отправился за непутевым дружком... Как бы и сейчас не надумал то же. Горепанов похлопал по карманам парадно-выгребного пиджака, нащупал «портсигар» мобильтника, отключенного из-за докучливой бухши. Позвонил Стасу:

— Извини, старик! Сейчас буду!

И тот ошарашил:

— Можешь не торопиться. Отбой! Кина не будет. Отменил я мероприятие. Втроем скромненько посидим.

Стало быть, и впрямь банкрот! Крепко его зажевало! Такие нужникам не нужны. Да-а!.. Вот это да!..

Ошеломленный, Горепанов побрел, шаркая по мокрым листьям на тропе... И по пятитысячным купюрам!.. Одну подобрал, встряхнул. Другую. Третью!.. Десятую!.. Уже пачка слиплась в дрожащей руке, когда носом уткнулся в бугор, засыпанный травой, листьями, ветками. Разгреб. Угольного цвета брезентовый баул на молнии фирмы «Знак». Инкассаторский. Набитый пачками пятитысячных в переплетах банковских лент.

Выпрямился с хрустом в спине. Скомканный, слипшийся комок выпал из рук в денежную кучу. Ковшиком ладоней провел по тяжелой от росы придорожной траве и набрал полную пригоршню росной воды. Это озерко в ладонях сияло в густом зеленом дыму травостоя. Выплеснул на горячее пыльное лицо прохладный жидкий свет и зафыркал от удовольствия. Он еще хотел зачерпнуть духмяной травной водицы, но будто эхо фыркнуло в дубовой роще и будто деревья рванулись вывысь — фазан взмыл свечой и спланировал в распадок. Там, в Окатовой пади, шумел перекал...

Деньги — забота, мешок — тягота. И куда же ты, Гриня, попрешься с этой инкассаторской сумкой?.. — он и не заметил, как начал разговаривать с собой, точно с задушевным другом. — Не ты положил, не твое! Придет хозяин. Хозяин?.. Тот, кто грабанул, — хозяин? Грабитель? Преступник?.. Еще неизвестно, кто кого ограбил... Возможно, ты будешь третий. Вор!.. Я — вор?! Ну уж нет!.. Ладно, ладно, утрешь нос Галчонку. Вот и утру! А то все попреки, попреки: «Иждивенец!..» Скандалила, как в перспективу глядела. С деньгами мил, без денег крокодил. Да, дружище, сколько унижений!.. А я орлом перед ней! Осыплю с ног до головы! Вот это листопад!.. А какой офигенный подарок Стасу на день рождения! В красный день — как обгорелый пень. Депрессняк — в его невозмутимой биографии. Теперь поправит свои дела. И наши, старик, наши, общие!.. Да и Юлии, бухгалтерше, надо помочь. Мэтры-адвокаты — дорогушие... Галина дележку не воспримет. Упрется. Скажет, мы нашли — и все наше! И против разбазаривания возникнет... Ну и дела!.. Да, приятель, не было печали — купила баба поросся... Я тебе круче скажу: не было печали — черти накачали... Ну, а ты что бы сделал, если бы так подфартило? Даже не знаю... Может, в полицию заявить? А то раскатал губу. Это же чьи-то деньги... Подобных криминальных новостей ящик не выдал. Да, в уголовной хронике последних дней не смаковали об ограблении, о нападении на инкассаторов. Сунься в полицию — в такой переплет попадешь, мало не покажется! Разборки начнутся. Себе дороже... Криш, дорогой, но не будешь же

здесь торчать с такими деньжищами? Ну и что ты предлагаешь? Только выйдешь на людное место — сразу засекут. Ты прав, поостережись надо. Что же, придется звонить Стасу. А Галина? Житья же не даст! Скажу, что вместе нашли. А вообще-то жадность фраера губит.

Горепанов взял мобильник. От изматывающей дороги, от «денежного» потрясения голос его был придушенным, клекочущим, и он, прочищая его, укрепляя, прокашлялся:

— Место встречи изменить нельзя! Встречаемся в Окатовой пади, у переката. Ну ты знаешь где. Никаких возражений, ибо имею сообщить нечто важное, судьбоносное даже. Без вопросов! Секретные материалы. Истина не только где-то рядом — а со мной. Стас, ты понял? Со мной! Жду! Не пожалеешь!..

Фу ты, ну ты!.. Даже с днем рождения не поздравил. Ладно, при встрече...

Ну и парочка — гусь да гагарочка! На великах прикатали. Спешились на поляне, заоглядывались. Криш тихо, таинственно вышел из кустов тальника. Приложил палец к губам: те-с!.. — и поманил супругов. Раздвинул заросли, жикнул молнией инкассаторской сумки... Разинув рты, вытаращив глаза, окаменели в парную скульптуру.

— Эй!.. — с ухмылкой дотронулся до мужской статуи Горепанов. — С вами все в порядке?

— Вот это да-а!.. — после оцепенения выдохнули разом и вперились в Криша.

— Что вы на меня смотрите, как Ленин на буржуазию? — кривовато усмехнулся он. — In vino veritas! Истина в вине! Выпьем и обмозгуем. Дружище, тебе же сегодня сорок один стукнул. Поздравляю!

— Да-да, спасибо, дорогой!.. — растерянно заморгал Стас: он все еще не отошел от шока. — Ритусик, ты ничего не прихватила?

Та досадливо махнула рукой на велосипед. Она уже рылась в денежной сумке, жонглировала пачками, пересыпала горстями купюры из распавшихся пачек. Купала в «денежных» пригоршнях разгоряченное лицо, напевая:

*Всюду деньги, деньги, деньги,
Всюду деньги — господи!
А без денег жизнь плохая —
Не годится куда!..*

Из велосипедной корзины Стас достал кока-кольный пакет, опорожнил его и водрузил на нем бутылку «Столичной», тетрапак томатного сока с пластиковыми стаканчиками и бутербродами. Маргарита с трудом оторвалась от упоительного благоухания купюр, пахнувших свежей гознаковской краской. «Зашила» баул, запахала его в гущу тальниковых зарослей, занавесила плакучими ветвями. Подскочила к «поляне»:

— Ой, мальчики, давайте «Кровавую Мэри»!

С изяществом искусной барменши одарила всех чудесным напитком «два в одном»: и выпивон — и заливон. И все это проделала не с бокалами-фужерами, а с хлипкими стаканчиками. Их и держать-то было боязно: как бы не выдавить драгоценную влагу. Подняли «бокалы» — а тост «замер»: первым не терпелось провозгласить за потрясающую, счастливую находку. Запоглядывали туда, где она таилась. Однако Криш продекламировал свою заготовку:

*Ты — самый важный среди нас!
Твоя жена — полный атас!
С днем рождения тебя, Стас!*

— За тебя, золоток! — игриво чмокнула супруга в щеку Маргарита.

Женщина-цветок: крупные бутоны на бежевом платье, цветочки на туфлях. Вздернутый носик, губки бантиком. Но глаза рысучие... Раз — и взор потуплен. Ах, какая милота! Очаровашка. И какие все славные, чудесные! Партнеры по человечеству. Ангелы просто!.. И так ощущается любовь всего пространства. Пошумливает, воркует перекат. Буйство трав, кипень цветения. Кукушка кукует, старушка ворона каркает, будто страшную-нестрашную сказку деткам рассказывает. Словно листья, слетели с ясеня желтые синицы. Август все-таки...

— Спасибо, дорогие! — расчувствовался Стас после «Мэри». — Давайте теперь выпьем за то, чтоб у нас все было, а за это ничего не было! — с намеком провозгласил он тост.

Обошлись без «кровой», просто выпили водочки.

— Вот т-те день, едрень фень! — продолжал гнуть разговор к деньгам Стас.

— Не день-хмурень, а день-заглядень! — мотнул головой Горепанов. — Так улыбнуло!

— А ты, Рит, говорила, что сны о богатстве не сбываются, — как бы шутиливо укорил Стас жену.

А перед ней уже сказочный Бали зовуще маячил... То ли ветер в кустах зашумел, то ли зверь. Все пугливо заозирались.

— Я думал, денег много не бывает, — успокаивающе произнес Горепанов. — Оказалось, бывает.

Супруги облегченно вздохнули: наконец-то он четко дал понять, что и они в доле.

— Было пусто — стало густо! Теперь и умирать не надо! — Стас с благодарностью посмотрел на друга.

Тот пословицей поддержал его оптимизм:

— О чем тому тужить, кому есть чем жить!

— Что милее ста рублей? Двести! — сладострастно потерла ладони Ритка. — Вернее счет — крепче дружба! Нет ничего веселее — денежки считать!

Она было кинулась к заветному схрону, да Криш одарил ее изысканным комплиментом:

— Марго, ты сегодня неотразимой наружности! Хотя твое пурпурно-нефритовое платье в стиле Нефертити тоже с ног сшибает. А прическа — тоже каскадом, как у нее, у царицы Нефертити.

— Языком, Гриша, не вертите! — то ли польщена была, то ли обиделась.

— Она у меня такая! — погордился супругой-царицей супруг.

— Да, женщина должна быть напитком для мужчины, — продолжал льстить Горепанов.

— Как «Кровавая Мэри»! — сострил Стас.

— А у меня Галка запоем «мыло» глотает. Но не это страшно, а то, что потом она пересказывает сериалы мне.

— Она у тебя такой тонкой душевной архитектуры, — съязвила Ритка.

Ревнует — значит, любит. Не ревнует — значит, ничего не замечает. И все же Горепанов переусердствовал с комплиментами Ритке, пусть и театральными. Так можно доиграться... Муженек примет их близко к сердцу. И Криш перешел от женской темы к морализаторству, к политике:

— Ложь жене — безнравственность. Ложь клиентам, покупателям, коллегам — мошенничество. Ложь всему народу — политика. Главнач страны вышел из рецессии, а население — нет.

— Врут несусветно, воруют нещадно! — поддержал друга Стас. — Если человека посадили — значит, украл очень мало.

— Мы не воруюем, мы нашли! — выпалила Ритка. — Честно жить не запретишь! — Велика Россия, а где деньги складывать будем? — вполне серьезно вопрошил Горепанов.

Стас нахмурил сократовский-саратовский лоб. Весь в белом, со сверкающей лысиной и пивным животом, он смахивал на зажиточного сенатора:

— Никогда не было, и опять... Вот это наличность!.. И мы — личность!.. — оговорился, подразумевая: «И я — личность!» Задумался: — Потенциал без возможностей... ничего не значит! — вдохновился своим афоризмом, и его понесло: — Как ты думаешь, Григорий, и ты, Рит, вот расширим вентиляционное производство... А ведь есть множество изюминок для индустрии гостеприимства в сфере туристов. А, Рит, это по твоей части. Так как есть здесь элемент депрессивности, даже в самом сердце нашего региона. Программа редевелоп-мента может серьезно исправить ситуацию. Нельзя забывать и о маркетинге. Надо уметь себя продавать! Особо продажная сфера — внедрять ягодные и овощные кластеры, объединять и координировать капустные ряды, яблочные сады, огуречные развалы, выращивать и перерабатывать технические культуры! Такое мое видение нашего процветания! Надеюсь, Горепанов, ты не возражаешь. Это наше общее дело.

— Не-е... Ну-у!.. Зашибись! Планов громадье! Передовая мировая эффективная экономика. Ты, Станислав, настоящий крупный бог крупного предпринимательства! Олимп! Нобелевская речуга!

— Да-да, мы будем искать и находить механизмы привлечения инвестиций в отрасль. Будем внедрять высокотехнологичные направления, которые являются ресурсом развития. Я поставлю задачу усилить контроль в этой сфере, определить основные принципы, направления, формы и категории получателей мер поддержки... получателей мер поддержки... — повторил «олимпиец», вдумываясь в сказанное.

Он уже взгромоздился во весь рост — ростовая кукла с блаженной, клоунской улыбкой.

— Станислав, я хоть сейчас готов маршировать под любым твоим развернутым знаменем! Петь строевые песни и дружными рядами печатать шаг! Но мне кажется, в твоей генеральной линии и программе многовато риторики. Сдается мне, что предоставленный тебе карт-бланш скоро кончится. Не изводи себя!.. А ты как думаешь, Маргарита?

— Я тебя умоляю, Стас! Умно говоришь, а перестал — умнее стал. Самая болтливая баба — пьяный мужик.

— Да я без всякой задней мысли... Да и не с чего быть пьяным. Вон водовка выдыхается.

— Не успеет! — Криш споро разлил остатки. — Дураку деньги — мука, умному — честь! Ты, я вижу, Стас, оседлал волну. За тебя, ваше вашество!

— Сила и слава богатству послушны. Ты — моя сила и слава, Стасик! За тебя, роднуля! — Ритка звонко чмокнула мужа прямо в губы.

Тот совсем растаял, повертел в руках пустую бутылку:

— Хорошо сидим! Но...

— Понял! — вскочил Горепанов. — Дурак бы не понял. За речкой в деревне магазинчик. Я туда!..

— Плавленный сырок возьми! — сострил Стас.

— Обжираться, что ли? — отшутился Криш.

— Орешков не забудь! — встряла в «юморину» Ритка. — Вы же, мужики, экологи, любите «белочек» кормить.

— Светлане в школе белочку задали нарисовать. Она ко мне: «Папа, а мама говорит, ты знаешь как...» Ну ладно, соловья баснями не кормят! — и Горепанов

юркнул в заветные кусты. Вылез из них, поднял купюру на просвет: — Заодно проверим, не фальшивка ли.

— Да в сельмаге вряд ли... — засомневалась Ритка.

— И все же.

Стас выдернул из руки Криша купюру, повертел ее перед глазами и сунул в нагрудный карман рубашки:

— Да вроде нормалек! Я на велике сгоняю!

— Да ты же именинник! — воспротивился Горепанов. — К тому же весь в белом.

— В саване, — прыснула в кулачок Ритка.

— Нет, мой конь, я к нему привык. В общем, я поскакал. Мигом обернусь. А вы уж поворкуйте насчет нашего обеспеченного светлого будущего. То ли дело лисапед, то ли любит, то ли нет...

Чувствуя себя счастливым солнечным зайчиком, легко перебежал с велосипедом по скользким окатышам. За перекатом лишь засверкали спицы в колесах велика.

— Помчался как на нерест! — хохотнула Ритка.

Криш замер в предчувствии смутных событий: не к добру хохоток Стасовой женушки, не к добру... Да, деньги, что камни, тяжело на душу ложатся.

— Денег не было, а зависимость от них была. А теперь еще больше...

— Ты это о чем? Ненавижу думать!

— Да лучше бы вообще не думать.

— Детский лепет на лужайке. Разговор в пользу бедных, а мы — не бедные, Криш!.. Твоя когда прилетает?..

Ей не терпелось потереть ручки над развалинами Кришевой семьи. Вернется его супружница — а бомбочка-подлянка в виде духов в ее халате и жажнет. А там... гедонистические хотелки...

— Ударим-ка лучше по отрывке прошлого, Марго!

Собрала губы в горстку, зло процедила:

— Привезет Стас пойло, тогда и ударим.

Тягостная игра в молчанку. Во спасение свое от этого гнета Горепанов стал наблюдать за поползнем. Коренастый, с сильными ногами и крепким клювом, тот озабоченно бегал по шелестящему, в отрепьях коры, стволу сосенки. Древолаз шмыгал вверх-вниз, мелькала его голубоватая спинка. Набегавшись, поползень юркнул в дупло. Леток дупла был тщательно обмазан глиной, смешанной со стебельками. Не дом, а крепость. Домовитый птах... Скоро Галина со Светочкой вернутся. Защебечет Светик... А вот еще один персонаж! Из пожухлых кустов дрока, с кривыми, высохшими бобинами, опутанных собачьей мятой и переступнем, вышмыгнул бурундук. Полосатик с печалью уставился на человека, и точно некая гипнотичность исходила от зверька. В золотистой вечерней дымке Горепанову послышалось, будто нарастал говор переката. Будто кричал перекат!..

— Велосипед! — вскрикнула Ритка.

Криш обернулся. На окатышах полулежал, сверкая, велосипед. А в бурлящей стремнине пузырилась белая рубаха Стаса. Криш рванулся было, но его удержала, схватив за руку, Ритка:

— Не надо! Он хорошо плавает. Для него эта переплюйка — семечки.

Она прикатила велосипед. Вытащила из корзины магазинный, новогодний еще, пакет. Достала из него Стасов «продуктовый набор»: бутылку коньяка «Кизлярский», подкову твердущей «Краковской», полкирпича «Бородинского». Три брикетика плавленого сыра в золотиночной обертке и «Бабины семечки» — Стас надумал пошутковать.

— Жмот! — поморщилась Ритка.

— Сельпо, что поделаешь, — оправдал друга Криш, с тревогой поглядывая на излучину речки, за которой скрылся Стас.

— Не бойсь! — успокоила его Ритка. — Глянь-ка, а пробка отвинчена! Уже квакнул. По самые плечики. Из горла. Невтерпеж ему! Вот и навернулся. Туда ему и дорога!

— Что ты несешь! — возмутился Криш.

— Да я ж без всякой задней мысли. Не кипятись! Давай-ка лучше посчитаем! Сейчас явится, красавец, а мы ему счет предъявим. Деньги счет любят.

— Нет-нет, надо дождаться! Обидится.

— Тогда — взгонка крови и бодрости, и прилив счастья! — Ритка плеснула в стаканчики коньяка: — В кустах — потеряшки, а мы — подбирашки. Несметное богатство! За нас, Криш!

Выпили, шибанул приторный, терпкий, горько-сладкий выхлоп. Поперхнулись, закашлялись.

— Я что-то не поняла... — почесала Ритка горло, убирая першение. — Что он за бодягу купил? А Кизляр — это где?.. — и пьяненькая уже, принялась на наклейке бутылки изучать коньячную родословную...

А Стаса все не было. Горепанов начал терзаться: мужик, бабу послушал, да еще такую... неверную, подлую. Будто сам сподличал. Будто участник в злом умысле. «Велосипец!..» — точно позлорадствовала. Да ему бы после такого предательства броситься бы другу на выручку. По берегу бы, по течению побежать!.. «Да дремуче, непроходимо зарос он», — оправдал себя Горепанов. И все равно гадко на душе. Будто пособник в злодеянии, в злодействе. Да что там!.. В преступлении. В убийстве!.. Ведь нет Стаса до сих пор. Сорвался с переката и, может, ударился головой о камни, захлебнулся, и его понесло, унесло в долину, в разлив... А там океан... У-ух, Ритка — крапивное племя! Деньги нашел — черта приобрел!..

Обуреваемый сомнениями, смятенный, с надеждой в ожидании, что вот-вот придет Стас с крутого сплава, Криш обхватил голову руками, закачался со стоном.

— Что ты стонешь, Крюшончик? Хватит нюни распускать! Детский сад и штанишки на ляжке. Давай-ка еще вмажем и будем денежки считать! — Ритка налила полные стаканы и проскандировала: — Пьем до дна! Пьем до дна!..

— В руке не дрогнет пистолет! — твердо чокнулся с ней Криш и залпом осушил стакан...

Чуть не задохнулся от противной отрыжки. Глаза полезли из орбит... Потом увидел Ритку. Растрепанная, пыхтя, она волокла пудовый баул. Помадные губы раскисли, «штукатурка» на лице размазалась, волосы спутались в паклю... Потом он погряз в пяти тысячных бумажках. Перед ним поплыли замедленные кадры: в дикой пляске, с воплями, Ритка осыпала себя ассигнациями... Потом ее корежили судороги... Платье в бутонах не дышало. Окостенелая улыбка... Органный, оглушительный рев переката. Свет схлопнулся.

Шалый ветерок пузырил рубаху. Шалый ветерок сквозанул в голове. Спешился. Прислонил велик к упругой стене травостоя. Достал из пакета бутылку коньяка. Запрокинул голову и в позе горниста наслаждался затяжным глотком. А ничего коньячок, вполне приличный! Окинул лирическим взором поляну — цветуще-вспененную. Полной грудью вдохнул головокружительный, одуряющий, дурманый воздух:

— Лепота!

Ботаник он был никакой, но разбойника борщевика дружески потрепал по зонтичной голове. Белые цветочки осыпали его белые джинсы. Страхнул лепест-

ки — и дурман закружил голову. Словно поплыл среди зонтичных волн: болиголов, дудник, собачья петрушка, кориандр... Хоровод вокруг него: огневки, мотыльки, бабочки, стрекозки... Слаженный оркестр цикад... Цикута! Зонтики ее легли на плечи, как эполеты. Хряск! Переломил пополам трубчатый стебель. Перегородки его — желто-янтарные, пахучие. Колдуны этим соком творили-травили.

— Любовнички! Я устрою, покажу вам не триллер, а четвериллер с дохлофосом!..

Богатство полюбится — рассудок расступится. Стаса понесло, он подался в наполеоны:

— Планов громадье? Да громадье! Несбыточно? Еще как сбыточно! Это я вам говорю!.. — он стал заговариваться. — Кому говорю? Да их уже нет! Были — и сплыли. Любовнички. Смеяться вздумали? Над кем смеетесь? Над собой смеетесь! Хорошо смеется тот, кто смеется последним! Ха-ха-ха!.. Нобелевская речуга... Я вам покажу нобеля-кобеля! Устрою вам пир духа! Ты слышишь меня, дружище мой Горепанов, — идиот с человеческим лицом? Любой рецепт счастья бесполезен, если котелок не варит. Чмошник! Все просто, как е2 — е4. Последним смеется тот, кто контролирует ситуацию!

С ощером, с наслаждением он выдал всю отраву из цикуты — под цвет коньяка — в бутылку. Туго-натуго завинтил пробку.

Горепанов с трудом разлепил веки. Сознание. Безвременье... Все в этом безвременье туманилось, дымилось. В испарениях призрачно, химерически маячила птица. Она все падала, падала... «Будто хоронит...» — подумалось ему. И почувдилось, что вместе с потом из каждой его поры сочится кровь... Пот, кровь... Он еще жив. Зрение живое... Пыльный башмак перед глазами. Придавил кучу. Одна бумажка прилипла к подошве. Человек нагнулся, стяхнул бумажку. Удаляющиеся шаги, хрусткие, по гальке... Ветер поднялся. Разметал кучу.

